

**КРИТЕРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ РАМОЧНЫХ ГРАНИЦ ПРЕДМЕТА
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Общая постановка проблемы, обозначенной в названии настоящей статьи, предопределяется теоретической важностью и сложностью, а также большой практической значимостью верного определения отраслевой принадлежности каждого конкретного правоотношения. В случае ошибочной идентификации того или иного конкретного правоотношения по его отраслевой принадлежности возникает угроза неверных выводов, ошибочных ответов на вопросы в решении задач правоприменения, связанных с этим правоотношением. В частности, из-за обращения правоприменителя не к тем источникам законодательства, к которым в конкретной ситуации ему следовало бы апеллировать для принятия решений, их исполнения и т. д. Понятно, что отсутствие теоретической четкости в этих вопросах, мягко говоря, не способствует эффективности правотворчества и правоприменения, а препятствует тому и другому.

В научной литературе к сегодняшнему дню *состояние разработки проблем* разграничения предметов правового регулирования между отраслями права, размежевания системы права на отдельные отрасли права и, соответственно, — на отрасли законодательства трудно признать удовлетворительным. Названные выше проблемы нуждаются в продолжении научной разработки.

Отмеченные проблемы разграничения предметов правового регулирования отраслей права и законодательства традиционно были объектом научных исследований многих ученых-правоведов в диссертациях, монографиях, научных статьях как советского, так и современного периода. В числе наиболее известных авторов можно назвать С. С. Алексева, Н. Г. Александрова, С. Н. Братуся, О. С. Иоффе, В. В. Лаптева, В. К. Мамутова, С. В. Поленину, П. М. Рахмиловича, Р. И. Халфину, Я. Н. Шевченко и др. В их трудах подвергнуты научному анализу многие важные вопросы методологии системы права и законодательства, разграничения отраслей, разработан научный инструментарий классификации одноименных отраслей права и законодательства, их

предметов. Фундаментальные теоретические обобщения и выводы названных ученых должны быть положены в основу дальнейших научных исследований по этой тематике, базироваться на них. Вместе с тем в ряде случаев использование всего научного инструментария, предложенного в прежних работах специалистов, не позволяет сегодня четко и однозначно провести линии разграничения между отдельными отраслями права и законодательства, точно определить пределы рамочных границ предметов регулирования тех или иных отраслей. В частности, по причине недостаточности наличия классификационных критериев для этого или нечеткости, убежденности аргументации в их обосновании.

Целью настоящей статьи является попытка восполнить отмеченный пробел — обосновать те критерии, которые в дополнение к уже существующим могли бы способствовать установлению рамочных границ предмета гражданско-правового регулирования, определению его пределов для отмежевания отрасли гражданского права от смежных с ними отраслей права.

Каждая отрасль права, как известно, имеет свой собственный предмет правового регулирования, отличный от предметов других отраслей права. В теории государства и права общепринято членить систему права на отдельные отрасли именно по предмету правового регулирования. А последний конструировать, прежде всего, по содержанию регулируемых отношений. И хотя некоторые виды (группы) отношений со стороны их содержательной характеристики могут входить в предмет регулирования не одной, а нескольких отраслей права одновременно, все же, нередко для них отыскиваются некоторые отличительные особенности, позволяющие относить те или другие группы отношений к предметам регулирования разных, вполне определенных отраслей права. Как правило, такие отличительные особенности характеризуют не собственно содержание отношений предметов регулирования смежных отраслей, а некие внешние для их содержания свойства и признаки,

дифференціюючі различия всередині змістовного єдності. В числі таких звичайно використовується метод правового регулювання, режі — суб'єкти регульованих відносин, інші ознаки (о чому більш докладно буде сказано нижче).

Основи громадянського законодавства СРСР і союзних республік 1961 р., вслід за ними громадянські кодекси всіх союзних республік, в тому числі і ГК УРСР 1963 р., Основи громадянського законодавства Союзу ССР і республік 1991 р., нині діючий ГК України 2003 р. включають в свої предмети громадські відносини двоякого роду за змістом: майнові і особисті немайнові. Так воно і є в дійсності, на практиці. Громадянським законодавством регламентуються відносини, об'єктами яких є майнові блага, так і — немайнові. Однак непередбачена оцінка спеціальних статей, присвячених визначенню предмету громадянсько-правового регулювання во всіх вищезгаданих законодавчих джерелах, шляхом вказання на «сукупність майнових і особистих немайнових відносин» призводить до малопродуктивного, невтішного висновку, оскільки для ідентифікації предмету цієї галузі, обмеження його від предметів регулювання інших галузей права нічого, як говорять, «ни йому ні серцю» не дає. Трудно, якщо — не єдиноможливо, назвати такі галузі права і законодавства, які б в тому чи іншому обсязі, в більшій чи меншій мірі не регулювали «майнові» і «особисті немайнові» відносини. Все галузі, від конституційного права, аж до кримінального, тільки тим і займаються, що регламентують як майнові, так і особисті немайнові відносини. По тій причині, що інших відносин (при використанні обраного критерію) просто не буває і бути не може. Тому, як прийнято тепер доводити, що цього не може бути ніколи! Особливо наочно і яскраво це проявляється при порівнянні предметів регулювання суміжних галузей права: сімейного, трудового, господарського, земельного, адміністративного і др. Для встановлення рамочних меж тим майновим відносинам, які повинні входити в предмет громадянського законодавства, ГК УРСР 1963 р. встановлював спеціальний критерій. В преамбулі названого кодексу відзначалося, що «громадянське законодавство регулює майнові відносини, обумовлені використанням товарно-грошової форми...» (курсив мій — В. В. Хухліп). Наочна абстрактність наведеного критерію ускладнювала його теоретичне і практичне застосування, хоча і дозволяла робити деякі розрізні висновки. Оскільки

земля, наприклад, і робоча сила по тогочасній ідеології не були товарами, то вони і не могли бути об'єктом товарно-грошових відносин, і правові відносини по поводу такого майна, як земля, надра, води, а також по поводу робочої сили як громадянсько-правові відносини не могли. Це давало підстави роздумувати в теорії права про те, що громадянсько-правові відносини майнового характеру будуються на еквівалентно-виплатній основі. Так, частково розшифровувався вищезгаданий критерій, хоча і така розшифровка всіх питань не вирішувала. Як тоді пояснити, що такі «абсолютно безвиплатні» майнові відносини як «дарунок», наприклад, «заєм» або «безвиплатне користування майном» залишалися інститутами громадянського права, а використання найманої праці (не товару!) для досягнення узгодженого результату охоплювалося громадянсько-правовими зобов'язаннями подряду? Означає ли сформульоване тут по аналізованій логіці сумнівне висновок про те, що, з однієї сторони, нетоварні (нееквівалентно-виплатні) майнові відносини підлягають виключенню від предмету громадянсько-правового регулювання, а інші, навпаки, по тій же самій причині — в силу набуття в сучасних умовах властивостей товарності (відносини по поводу землі, робочої сили) — включенню в цей предмет?

Напевно, така однозначність була б недостатньо обґрунтованою, тому що критерій змістовної характеристики відносин, складових предмет регулювання тієї чи іншої галузі права, в ієрархії критеріїв їх розмежування хоч і є вихідним і найважливішим, однак він не єдиний. При недостатній конструктивності його використання для практичних цілей регулювання предметів правового регулювання теорія права передбачає керуватися допоміжним критерієм — методом правового регулювання громадських відносин.

З урахування назва цієї статті тут важливо підкреслити, що і загальноприйнята в теорії права, відзначена вище ієрархія критеріїв визначення предметів регулювання по галузях права в нині діючому ГК України проігнорована. По незрозумілим причинам автори — розробники проекту ГК перевернули її (ієрархію) з ніг на голову і тепер, гордячись отнюдь неумісною в подібних випадках оригінальністю, утверджають, що, нарешті-то, вирішили складну задачу визначення меж предмету громадянсько-правового регулювання, вистроївши його не по змісту регульованих відносин, а — по методу їх регулювання!

Так ли це? Обратимся до тексту ст. 1 ГК, яка називається «Відносини, які регулюються

гражданским законодательством». Согласно п. 1 этой статьи «гражданским законодательством регулируются личные неимущественные и имущественные отношения (гражданские отношения) ...» Стоп! Остановись читатель. Раскрыв скобки, ты, читая в обратном порядке, уже получишь нужную расшифровку дефиниции. Оказывается: гражданские отношения — это личные неимущественные и имущественные отношения, т. е. по содержанию регулируемых отношений предмет определен. Так же как и в предыдущих кодификациях, о которых упоминалось в начале статьи. Правда, с той разницей, что теперь сперва названы личные неимущественные, а имущественные вслед за ними. Более того, дочитав цитируемый пункт 1 ст. 1 ГК «... основанные на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении, имущественной самостоятельности их участников», можно прийти к абсурдному выводу: гражданским законодательством регулируются не все гражданские отношения (личные неимущественные и имущественные), но лишь те из них, которые основаны на юридическом равенстве... и т. д. Иными словами, следует полагать (или заподозрить), что среди гражданских отношений (в предмете гражданского права) есть такие гражданские отношения, которые одновременно законодательством вовсе не регулируются!

Нельзя, вслед за этим, выясняя критерии установления рамочных границ предмета, обойти вниманием и п. 2 ст. 1 ГК. Доверившись и тут буквально тексту нормы, можно сделать еще один, по сути своей ошибочный вывод. Вроде того, что к личным неимущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой стороне, гражданское законодательство применяется. В отличие от отношений имущественных.

Оппонентами автору может быть сделан упрек в том, что он занимается буквоедством, вместо того, чтобы из текста закона выявлять его смысл, истинную суть нормы. На это легко возразить: давно прошли те времена, когда партия и правительство призывали правоприменителей уяснять суть закона и применять его, руководствуясь революционным правосознанием. Это, с одной стороны. С другой — необходимость в «буквоедстве», которого можно было бы избежать, объясняется поведением самих оппонентов. Им (оппонентам) следовало бы исключать саму почву для неправильных или неоднозначных толкований действующих норм права, статей законодательства. Пристальное внимание к букве закона при толковании текста статей ГК, в частности, предопределяется игнорированием теоретических выводов общей теории права, обязательных для всех отраслевых юридических наук, пренебрежительным использованием в законотворчестве пра-

вил формальной, диалектической логики и правил юридической техники. На сегодняшний день законотворцы, к сожалению, нередко обходятся без всего этого. Так, вряд ли можно признать уместным «оригинальничание» разработчиков проекта Гражданского кодекса Украины при определении границ предмета гражданско-правового регулирования в их настойчивых попытках бесосновательно протолкнуть в предмет и «отношения предпринимательства», вопреки всем канонам юридической науки и выводам теории права, соединить воедино несоединимое. В литературе по этому поводу уже неоднократно отмечалось, что подобное сочленение предметов регулирования абсолютно недопустимо. Иначе получилось бы, что правовое регулирование разных по отраслевой принадлежности правоотношений — предпринимательского права и права семейного (сочлененных в одном ГК) оказалось бы сконструированным на одних и тех же принципах и механизмах правового регулирования. Примером, что из этого могло бы получиться стал бы предположительно одинаковый ответ на два разных вопроса: нельзя без согласия жены с нею разводиться, если она беременна или в семье имеется ребенок возрастом до одного года, равно как нельзя грузить ацельсины бочками без согласия на то грузополучателя.

К самой расшифровке метода гражданско-правового регулирования, появившегося в новом ГК и использованного для определения предмета регулирования, замечаний нет. В отличие от прежнего ГК, который отличал (обозначал) гражданско-правовой метод по принципу «от противного» указанием на то, что к имущественным отношениям, основанным на административном подчинении одной стороны другой, этот кодекс не применяется, теперь появилась понятная позитивная характеристика метода с указанием его сущностных особенностей. Вместе с тем здесь следует отметить, что использование и двух критериев (содержание отношений вкупе с методом) не снимает всех проблем установления рамочных границ предмета гражданско-правового регулирования для разграничения с предметами смежных отраслей права. Наиболее ярко и часто эта сложность проявляется при отмежевании гражданских отношений от семейных, реже — от трудовых, административных, корпоративных, хозяйственных, земельных отношений и др. Все названные отрасли (как уже отмечалось выше) регулируют по содержанию имущественные и личные неимущественные отношения. По методу — семейное право чаще всего на основе юридического равенства сторон, свободном их волеизъявлении. Другие из вышеназванных здесь отраслей по этому же методу регулируют имущественные и личные неимущественные отношения реже, в ряде случаев. В

подобных ситуациях к проанализированным выше критериям размежевания предметов регулирования приходится присовокуплять некие дополнительные, вспомогательные. Такими вспомогательными критериями отраслевой идентификации правоотношений в спорных случаях, для отмежевания их от предмета гражданско-правового регулирования служат следующие юридические факты:

для семейных — если отношение участников вытекает из факта состояния в браке, семейно-родственных связей;

для трудовых — если отношение участников вытекает из факта заключения трудового договора;

для корпоративных — если отношение участников вытекает из факта членства в корпоративном образовании;

для земельных — если отношение участников вытекает из факта отвода земельного участка.

Что касается вышеупомянутых выше отраслей административного и хозяйственного права, то для их отмежевания от гражданского могут быть использованы в качестве дополнительных критерии иного рода, а именно — субъектный состав участников и сфера реализации общественных отношений. В научной литературе уже отмечалось, что в Древнем Риме, на который любят ссылаться нынешние цивилисты, «вычленение гражданского права происходило не по характеру охватываемых им норм, а по составу участников регулируемых отношений — гражданское право регулировало отношения с участием исконных римских граждан — квиритов» [1, с. 25–26]. В наши дни для административных отношений, во-первых, обязательным (непрерывным) участником такового является орган государственного управления или должностное лицо, наделенное властными полномочиями.

Такой специфический субъект в правоотношении может быть один или несколько, но без хотя бы одного такого субъекта административного правоотношения существовать не может. Во-вторых, административное отношение всегда оказывается в сфере государственного управления, в административно-правовом отношении участник, наделенный властной компетенцией, реализует свои полномочия, обеспечивая исполнение возложенных на него функций по государственному управлению.

Сходным образом может быть интерпретировано использование двух вышеприведенных дополнительных критериев для установления рамочных границ предмета гражданско-правового регулирования в его размежевании с предметом хозяйственного права. Что касается субъектного критерия, то тут уже не один субъект, как в административном правоотношении должен быть специфическим, а оба (все) должны быть субъектами хозяйствования. Ими могут быть не только юридические лица, но и

их структурные подразделения, а также граждане (физические лица) — субъекты предпринимательской деятельности. Те отношения, в которых субъект хозяйствования лишь на одной стороне, а на другой — лицо физическое, не предприниматель — хозяйственными не являются. Отсюда напрашивается оценка роли критерия «сфера». Хозяйственными отношениями являются те, которые складываются в сфере хозяйствования, а не в сфере индивидуального потребления или, иными словами, не в сфере удовлетворения личных духовных и материальных потребностей отдельных граждан (физических лиц). Очевидно, именно по этой причине из ст. 1 Проекта ГК Украины от 25 августа 1996 г., которая называлась, как и теперь в кодексе, «Гражданские правоотношения», из предмета гражданско-правового регулирования были, в конце концов, исключены слова «в том числе отношения, которые складываются в сфере предпринимательства».

Вслед за этим уместно будет отметить, что и в ст. 1 Хозяйственного кодекса Украины, которая определяет предмет регулирования, используется если не синоним понятия «сфера», то слова, по существу, очерчивающие границы этой сферы. Хозяйственными отношениями идентифицируются отношения, которые возникают в процессе организации и осуществления хозяйственной деятельности. Помимо этого, подчеркивается в определении предмета упоминавшаяся выше специфичность субъектов хозяйственных отношений. Ими называются субъекты хозяйствования и иные участники отношений, опять-таки, в сфере хозяйствования.

Таким образом, как видно из вышеизложенного, для определения границ предмета гражданско-правового регулирования наряду с основными критериями, такими как содержание отношений и метод их регулирования, могут и должны использоваться вспомогательные — для отграничения каждой из смежных отраслей они разные. О них шла речь выше.

Вместе с тем при возникновении затруднений проведения рамочных границ предмета с использованием основных и вспомогательных критериев на теоретическом уровне предлагается ввести в научный оборот и, соответственно, — в практику правоприменения в качестве дополнительных критериев, обозначающих (отражающих) специфику субъектов и сферу регулирования, в которой те или иные отношения складываются.

В подтверждение обоснованности предложенного подхода здесь следует сослаться на авторитетное мнение известного украинского ученого — теоретика права П. М. Рабиновича, который еще в 1999 г. писал о том, что для разграничения предметов правового регулирования, наряду с иными критериями, следует использовать и субъектный. Иными словами,

но по существу, указывая на специфику субъектов правоотношений в той или иной отрасли, он ориентировал учитывать «адресаты правовых норм», а также «правоспособность и правовой статус субъектов», что, по его мнению, позволяет установить, какие виды организаций, социальных общностей и какие группы («виды») граждан принимают участие в определенных отношениях, наделяются правосубъектностью. Вслед за этим он подчеркивал, что «это и есть как раз ничем иным, как характеристикой предмета регулирования!» [2, с. 80].

Суммируя изложенные выше теоретические обобщения и выводы, предложенные для установления рамочных границ критерии предмета гражданско-правового регулирования — основные и дополнительные; содержание отношений, метод регулирования, субъекты отношений и сферу реализации (функционирования) регулируемых гражданским правом отношений, можно предложить сформулировать начало части первой ст. 1 ГК следующим образом: Гражданским законодательством регулируются личные неимущественные и имущественные отношения граждан (гражданские отношения).... При этом надо иметь в виду, что «отношения граждан» это отношения и между гражданами, и с участием гражданина хотя бы с одной стороны. Представляется, что такое простое дополнение поможет сделать границы предмета гражданского законодательства несколько более четкими, несмотря на отмеченное выше несовершенство текста ст. 1 ГК в целом.

Анализ динамики определения предмета ГК и тенденции усиления внимания правам человека и гражданина позволяют считать, что было бы целесообразно улучшить редакцию ГК в этом направлении. Прежде всего, по мнению академика В. К. Мамутова, надо устранить явно неудачные формулировки и, в частности, восстановить в нем фигуру гражданина, как это было в ГК 1963 г. и имеет место в ГК всех стран СНГ. Гражданский кодекс без гражданина выглядит недепо. Во-вторых, надо очистить его от непонятных (ненужных) гражданам статей о лизинге, факторинге, франчайзинге и т. п., уместных в специальных законах в сфере хозяйственной деятельности и неуместных в законе о личных неимущественных и имущественных отношениях граждан. На необходимость очистить ГК от чужеродных статей уже неоднократно обращалось внимание в юридической печати [3, с. 20; 4]. Только после такого редактирования можно будет считать ГК «реальным гражданским кодексом».

По системе межпредметных связей в изучении смежных отраслей, на основе разграничения предметов регулирования отраслей права следовало бы в учебно-нормативном порядке распределить изучение одноименных институтов права. Так, если в

ГК и ХК имеются главы, статьи, посвященные формам права собственности, субъектам права (их видам), отдельным видам обязательств, формам отчуждения имущества и т. д., то в одном из смежных кодексов надо оставить лишь исходные положения, отослав подробное регулирование к специальному, профильному закону (кодексу). Например, в ГК пусть будут исходные статьи, предусматривающие возможность удовлетворения личных потребностей граждан (физических лиц) на участие в предпринимательской деятельности. Но не более того! Подробное правовое регулирование этих субъектов (предприятий, хозяйственных обществ, кооперативов и т. д.) должно быть предметом регулирования не гражданского законодательства, но — хозяйственного. Поскольку сфера функционирования их прежде всего не потребительская, а — хозяйственная.

Вопреки мнению Я. Н. Шевченко, по этим причинам, «розділи, що стосуються підприємств, у тому числі господарських товариств, майна, відповідальності, становлять цивільно-правову тематику і повинні знаходитися в Цивільному кодексі» [5, с. 242], они должны быть институтами хозяйственного права и регламентироваться не гражданским, а хозяйственным законодательством.

Вслед за сказанным представляется целесообразным предложить обновленную систему учебного курса Гражданского права, размежевав его изучение с курсом Хозяйственного права. Независимо от того, кому в какой из кодексов удалось «пробить» те или иные институты правового регулирования и в какой мере, очевидно, следовало бы их для изучения закрепить таким образом, чтобы в курсе Гражданского права оставить лишь те, которые в курсе Хозяйственного права изучаться не будут, или, по крайней мере, ГК, обозначив отдельные правовые институты, будет отсылать конкретное правовое регулирование к специальному законодательству в сфере хозяйствования, прежде всего — к Хозяйственному кодексу Украины.

Во избежание параллелизма в изучении учебного материала ниже предлагается уточненная примерная схема учебного курса «Гражданское право» по принципу исключения институтов, содержащихся в курсе «Хозяйственное право». Исходя из изложенного, из программы учебного курса «Гражданское право» следовало бы исключить следующие разделы, подразделы:

Особенности купли-продажи в процессе приватизации.

Правовое регулирование купли-продажи на биржах.

Договор поставки.

Правовое регулирование аренды государственного имущества.

Правовое регулирование лизинга,
 Договор коммерческой концессии,
 Договор подряда в капитальном строительстве,
 Договор о выполнении научно-исследовательских, исследовательско-конструкторских и технологических работ.

Договор об исполнении проектных и исследовательских работ.

Договоры об эксплуатации подъездных путей, подаче и уборке вагонов.

Изложенные выше соображения по критериям установления рамочных границ предмета гражданско-правового регулирования не претендуют на истину в последней инстанции, но, очевидно, могли бы способствовать ее выявлению.

Литература

1. Толстой Ю. К. Заметки о научной деятельности О. С. Иоффе. — М., 2006. — 82 с.
2. Рабинович П. М. Система права — объективная основа систематизации законодательства (гносеологичний

аспект) // Систематизация законодательства в Украине: проблемы теории и практики; Материалы международной научно-практической конференции. — К.: Институт законодательства Верховной Рады Украины, 1999. — 600 с.

3. Мамутов В. К., Зверева Е. В. Доклад к обсуждению на «круглом столе»: «Регулирование личных неимущественных и имущественных отношений граждан в Гражданском кодексе Украины». — Донецк, 2007. — 20 с.

4. Мамутов В. К., Зверева О. В. Регулювання особистих немайнових і майнових відносин громадян в ЦК України // Юридична Україна. — 2007. — № 2. — С. 16–25.

5. Шевченко Я. М. Розвиток і перспективи систематизації Цивільного законодавства в Україні // Систематизация законодательства в Украине: проблемы теории и практики; Материалы международной научно-практической конференции. — К.: Институт законодательства Верховной Рады Украины, 1999. — 600 с.

Представлена в редакцию 22.03.2007 г.

УДК 347

Р.О. Стефанчук,
 канд. юрид. наук,
 проректор з наукової роботи
 Хмельницького університету
 управління та права

ОСОБИСТИЙ НЕМАЙНОВИЙ ІНТЕРЕС ЯК ФОРМА ДОЗВІЛЬНОЇ ПОВЕДІНКИ У ЦИВІЛЬНОМУ ПРАВІ

Сучасний ЦК України чітко визнає за особистими немайновими правами природу суб'єктивних цивільних прав. Однак виникає питання, чи є це суб'єктивне цивільне право єдиною формою існування дозволеної поведінки в цій сфері, чи існують інші форми? Адже як точно відмічається в літера-

турі; сфера дозволеного є більш широкою, вона не охоплюється лише суб'єктивними правами [1, с. 102]. Тому мова тут йтиме про «охоронюваний законом інтерес»*, що носить немайновий характер, і про його співвідношення із особистим немайновим суб'єктивним цивільним правом.

* Ми вживаємо саме поняття «охоронюваний законом інтерес», оскільки чинне цивільне законодавство оперує й іншими суміжними поняттями, зокрема, «інтерес, який може суперечити загальним засадам цивільного законодавства» (ст. 15 ЦК України), «інтерес інших» (ст. 64 ЦК України), «інтерес, який суперечить закону» (ст. 980 ЦК України). Така позиція законодавця вказує на те, що у тих чи інших правовідносинах, з одного боку, існують інтереси, які не підлягають охороні законом, оскільки вони йому суперечать, а з другого, може виникнути конфлікт інтересів. Важливість відмежування «законного» та «незаконного» інтересу також полягає в їх захисті. Так, якщо «законний» інтерес підлягає правовому захисту, то відповідно до ч. 3 ст. 16 ЦК України, якщо особа при реалізації своїх інтересів не утримується від дій, які могли б порушувати права інших осіб, завдати шкоди довкіллю або культурній спадщині, має намір завдати шкоди іншій особі або зловживати правом в інших формах, не додержуються моральних засад суспільства, неправомірно обмежує конкуренцію, вдається до недобросовісної конкуренції, зловживає монопольним становищем на ринку, то суд може відмовити у захисті такого інтересу особі. При цьому законність інтересу презюмується, тоді як про незаконний інтерес повинно бути чітко передбачено в законі. Хоча в літературі немає єдності щодо розуміння співвідношення понять «законний інтерес» й «охоронюваний законом інтерес». Одні вчені вважають, що поняття «охоронюваний законом інтерес» включаються в себе як «законні інтереси», тобто інтереси, які знаходяться у сфері правового регулювання, але не забезпечені суб'єктивними правами, так і інтереси «юридичні», тобто інтереси, здійснення яких має таке забезпечення [2, с. 105]. Водночас інші науковці, погляди яких ми поділяємо, виходять із тотожності понять «охоронюваний законом інтерес» і «законний інтерес» [3, с. 116].

© Р.О. Стефанчук, 2007